

«Настало время, пробил час,

Мы начинаем наш рассказ:

О жизни, смерти и любви... Тьфу, вот чёрт!»

Я старательно удалила клавишей бэкспейс первые строки. Какого чёрта я скачала вчера с Инета запись мюзикла «Нотр-дам де Пари», да ещё и посмотрела его на ночь на своём верном Make?

Говорила мне мисс Мейер: «Оставьте эту штуковину и ложитесь спать...»

Но нет! Я же всё делаю не как нормальные люди. Собственно, как и все в моём семействе, но давайте по порядку.

Меня зовут Кристанна или Кристина Джозефсон, кому как больше нравится. Лично я предпочитала менее броский псевдоним «Кристина» настоящим паспортным данным. Да и в мире шоу-бизнеса уже существовала одна звезда с точно таким именем. Впрочем, моя подруга Дженнифер Микел была того же мнения.

Сколько мы с Джен всего пережили... Так сходу и не расскажешь.

Итак, мне двадцать один год. Я родилась и выросла в Нью-Йорке, где меня воспитывали в основном мои дедушка с бабушкой, Арман и Дагмара Джозефсоны. Моя мама умерла, когда мне было шесть лет. Её я практически не помнила, а отец... Что ж, хороший вопрос. Можно сказать, что тут всё очень и очень... нестандартно. Дженнифер была самым близким мне человеком: подругой, наставником, но больше — опорой и поддержкой.

Всего пару месяцев назад мы с ней жили вдвоём в съёмной квартире-студии в Сохо. Там был наш маленький оазис музыки. Мы, наверное, могли бы далеко пойти в шоу-бизнесе. Если бы, конечно, «попутный ветер» не занёс сначала меня, а потом и её в полную ж... простите, бредовую ситуацию, которую и под хорошей травой не вообразить.

До недавнего времени я исполняла некоторые несвойственные мне функции, а теперь вот валяюсь в постели в качестве идущего на поправку пациента под чутким наблюдением мисс Мейер и ещё около десятка людей. Пару дней назад мне стукнуло в голову описать все наши приключения, и я попросила Дженнифер тайком принести ноутбук. Хотя от мисс Мейер этот факт не ускользнул, она была уже порядком утомлена спорами с тем существом, в которое я имела «удовольствие» превратиться.

И вот я сижу и с колоссальной скоростью набиваю на компе свою историю. Комп опять тормозит, думаю, завтра надо будет переставлять «винду» (да, он у меня большой мученик и терпит две системы сразу). Правда там, где я сейчас нахожусь, компьютер работать не должен, но только не тогда, когда речь идёт о моих вещах.

Мак специально адаптирован для работы в несколько необычных условиях. Кроме того, я имею на него личное разрешение от Барбары Бересфорд. На него и ещё кучу добра типа сотового, эпилятора и других вещей, без которых современный человек, то есть, я хотела сказать, человек в нормальном мире не в состоянии существовать.

Хотя кто сказал, что он нормален?

Приспособить свой ноутбук к столь необычным условиям мне посчастливилось, однажды удачно... поколдовав, если можно так выразиться.

И теперь, при желании, взломать базу Пентагона с его помощью, как два пальца обо... об асфальт. Простите, выражаюсь я иногда крайне нецензурно, а порой и довольно путано, но это от переизбытка эмоций.

Ещё два месяца назад мы с Джен не имели понятия о том, насколько на самом деле всё вокруг нас сложнее, чем принято думать. Да и жили вполне себе обыкновенно, если не учитывать тот факт, что я не человек и никогда им не была. Зато Джен до определённого момента была самым что ни на есть полноценным членом общества.

Эта история начинается с момента моего появления на Бродвее в поисках славы. Тогда я была одной из завсегдатаев всевозможных прослушиваний на роли в мюзиклах. Колледж давно был брошен ради старого как мир и глупого желания прославиться. Бездарностью меня назвать трудно — голос есть. И школу искусств я окончила с высокими оценками.

Когда-то мне казалось, этого хватит, чтобы занять свою нишу в шоу-бизнесе. Но реальность отличается от мечтаний: чаще всего мне доставались подпевки и подтанцовки. Изредка удавалось выступить с собственными номерами в маленьких клубах. Оплачивалось последнее, как правило, плохо.

Моих собственных финансовых средств, равно как и средств моей подруги, едва хватило бы на съём жилья, причём весьма захудалого, в лучшем случае, где-нибудь в Бруклине. Но тут на помощь наивным молодым девушкам часто приходят... правильно, «спонсоры». Избежать подобной участи в лице продюсера средней руки не удалось и мне. Благодаря его вложениям, мы с Джен довольно неплохо жили, и на горизонте даже рисовались перспективы. До поры до времени.

Помню, как это началось, и жизнь стала фарсом. Хорошо помню, потому как началось оно со смерти моей бабушки, Дагмары Джозефсон. После чего мой дедушка Арман попал в больницу и с тех пор был прикован к постели. Врачи говорили, что жить ему осталось недолго.

После этих событий я временно отказалась от работы в шоу-бизнесе. Естественно, к всеобщему неудовольствию. Особенно сильно негодовал Джек Маршал (назовём его так) — тот самый продюсер, с которым у меня были довольно непростые отношения. Именно он обещал в скором времени устроить личную встречу с молодым режиссёром, который был под впечатлением от моего выступления в одном из клубов.

Я бросила всё, чтобы быть рядом с дедушкой в больнице. Предположения врачей сбылись — он прожил совсем недолго...

Как-то раз, помнится, это был май месяц, я безвылазно провела четыре дня в больнице у деда и поехала отсыпаться домой в Сохо. Именно в ту ночь его не стало.

А меня даже не было с ним.

Как ни странно, дальнейшие события той ночи напоминали плохо режиссированную «чёрную» комедию. С первой секунды после смерти деда моя отлаженная жизнь пошла наперекосяк. Но я ещё об этом не знала. Я спала, и так много изменивший звонок из больницы не успел раздаться.

Мой сон был дерзко прерван чем-то тяжёлым, упавшим на голову. Матюгнувшись, я

проснулась в тёмной квартире. Дженнифер в тот день ночевать дома не соизволила.

Я включила свет, осмотрелась и, не обнаружив ничего подозрительного, предприняла попытку снова уснуть. Наверное, просто показалось. От хронического недосыпа и не такое может почудиться...

Бум! Мне на голову опять что-то упало. В глубине души начало медленно подниматься негодование, свойственное разбуженному посреди ночи человеку. Но стоило опять включить свет, как раздался телефонный звонок.

— Мисс Джозефсон?

— Да, это я, — собственный голос зазвучал вдруг странно.

— Мне нужно сообщить вам нечто очень важное...

Куча официальных соболезнований — стандартный монолог дежурного врача, которому выпала доля сообщить о смерти.

Телефонный разговор грозил затянуться надолго, в какой-то момент я подняла взгляд к потолку... и потеряла дар речи. Под потолком парила, именно парила, толстая книжица в красном переплёте.

Я протёрла глаза, в голову полезли никак не вяжущиеся со случившимся событием мысли:

«Чёрт, хороша была травка, которую я курила последний раз с Джен».

Но ни один наркотик не действует в течение такого времени.

Вежливо попрощавшись со своим собеседником, я положила трубку. Тут с потолка книга снова рухнула мне на голову. Так вот какая зараза меня разбудила!

Не знаю, каким образом, но томик вовремя сообразил, что на него крайне озлоблены, и отлетел в сторону, чем довёл меня до крайнего бешенства.

Вместо страха и горя мною овладел гнев. Вскочив с постели, я принялась скакать по комнате, пытаюсь схватить ненавистную книгу, но это никак не удавалось. Тогда рассудок подсказал, что галлюцинацию поймать невозможно. Вот только для галлюцинации эта штука больно дерётся.

Этот цирк безмерно надоел, и я решила, что при первой же возможности необходимо посетить психиатра. А потом с досадой махнула рукой на книжку:

«Пошёл вон, глюк проклятый! Заколебал уже!»

Повернувшись спиной к наваждению, я отправилась обратно в постель с таким видом, будто забыла про его существование.

Книга, похоже, обиделась, когда её обозвали «глюком», и с разгона прицельно ударила меня по заднице. Я взвыла от боли и рухнула на пол. Гадкий книжный «НЛО» продолжал парить надо мной. Нет, галлюцинации не причиняют вреда, но может, это какой-то неправильный глюк?

— Чего тебе от меня надо?! — чуть ли не в слезах взмолилась я. Эмоции, наконец, прорвались наружу.

Назойливая книга успокоилась и опустилась передо мной на пол, сама собой раскрывшись на первой странице.

Я нервно сглотнула. На титульном листе аккуратно чёрными чернилами было выведено имя моей матери «Александра Джозефсон». Я машинально пробежала глазами по тексту, следующему за именем:

«Кристина, если сейчас ты читаешь эти строки, значит, ни меня, ни моих родителей уже нет в живых. Этот дневник я вела с девятнадцати лет. Из него ты сможешь узнать правду, которую мы все сознательно скрывали, потому что любили тебя. И, наверное, немного боялись. Благодаря моим записям тебе распахнётся дверь в новый мир, о существовании которого ты не догадывалась. Должна предупредить, тебе может не понравиться то, что ты узнаешь...»

Я погрузилась в чтение.

Пять утра. Плакать уже не было сил. Я ехала на такси в больницу. На сотовый позвонила Дженнифер и обещала скоро подъехать. Даже мысли о прочитанном причиняли боль. Зачем я вообще открыла этот дневник...

Наша семья существовала обособленно от остального мира. Именно поэтому я съехала от них сразу после школы. Мы мало с кем общались. С самого детства я помню, в какой напряжённой атмосфере жили мои родные. Теперь же знаю почему. Не могу сейчас пересказать полное содержание дневника, это слишком личное, да вы и так скоро всё поймёте — дайте хоть выдержать сюжетную интригу!

Чрезвычайно трудно описать мой прежний ужас. Я не принадлежала этому миру и не могла понять, где моё место. Мои мама и бабушка оказались не совсем обычными людьми, а я сама... Прежде у меня не было магической силы потому, что члены семьи её блокировали, но теперь никого из них нет в живых, и заклятье больше не действует. Теперь я стала опасной. И ОНИ уже скоро придут за мной... это из-за наследия... из-за той чудовищной мощи, которую я получила от своего деда...

Глупо звучит, вы не находите? Но в моем случае уже (как там Джен выражается?) «поздно пить «Боржоми». Не до конца понимаю, что это значит, но звучит одновременно странно и смешно.

Я была чем-то средним между демоном и человеком... Вопрос с моей сущностью не решён и по сей день, поэтому пока не станем на нём сильно акцентироваться.

Путь у меня, как я тогда полагала, только один — бежать прочь из Нью-Йорка и не контактировать ни с кем, даже с Дженнифер. Я собиралась исчезнуть сразу после похорон. Навсегда.

В ту памятную ночь о том, чтобы лечь спать, и речи быть не могло. Я успела совершить ещё много интересных открытий: от перепада моего настроения, пока я читала дневник, полопались все лампочки в квартире. При этом ощущалась смесь страха и неестественной, истерической весёлости, которая пробивалась даже сквозь слёзы. Чего из этого было больше — определить так и не удалось. Минут пятнадцать я просидела в темноте, в осколках от лампочек

и злая, как дюжина собак. После чего принялась-таки убирать этот мусор.

Добираясь до больницы на такси, я ощущала себя зомби, у которого из уха потихоньку вытекает мозг. Было настолько паршиво, что, когда водитель-индус объявил о прибытии к месту назначения, у меня напрочь отшибло восприятие... Как расплатилась, как дошла от машины до госпиталя... Ничего не помню.

Мне навстречу уже спешил доктор Шепард, лечащий врач дедушки.

— Здравствуйте, мисс Джозефсон, — заговорил он. Голос врача казался каким-то далёким.

— Здравствуйте... — я машинально поздоровалась и кивнула головой. Всё вокруг казалось серым и пустым, а порой — почти нереальным.

— Примите мои соболезнования.

Я снова кивнула доктору — такова его работа.

Последовала небольшая заминка, прежде чем он заговорил вновь:

— Я понимаю, в каком вы состоянии, поэтому постарайтесь не воспринимать близко к сердцу то, что сейчас увидите. Всё, что вы сейчас увидите. Мистер Джозефсон был стар и болен.

— О чём вы? — безразличие как рукой сняло.

— Вот, я должен отдать это вам. Сестра-сиделка записала его последние слова, — доктор протянул мне клочок бумаги.

«Барбара! Я знаю, ты слышишь меня... Позаботься о ней. Моя последняя воля — не дай ей стать Злом!»

Конечно, ни сиделка, ни врач не заподозрили в этом никакого мистического подтекста. Слова деда были приняты либо за предсмертный бред, либо Бог ещё знает, за что. Но только не за то, чем они были на самом деле.

В день похорон я ходила как громом поражённая и от всех шарахалась, а Дженнифер по возможности старалась быть рядом. Пока мы ехали на кладбище Голгофа, лил дождь.

То, что начало происходить со мной и вокруг меня с момента смерти последнего члена нашей семьи, не поддавалось контролю. Иногда оно вырывалось неожиданно, вместе с неконтролируемым выбросом эмоций, как тогда, с ни в чём не повинными лампочками, а иногда происходило само по себе, будто от меня ничего не зависит. Других изменений я ещё не выявила, а может, просто не успела.

Пока шли приготовления к похоронам, мне чудом удалось улизнуть так, чтобы Дженнифер меня не заметила.

Какая ирония, похоронная процессия с полным набором: священник, проповедь... Интересно, как отреагировал бы на такие почести дед, увидев всё это? Но с другой стороны, это не вызовет подозрений.

Я, постоянно оглядываясь, ушла прочь от часовни вглубь зелёных насаждений и, спрятавшись за огромным деревом, облегчённо вздохнула. А потом снова с трудом задышала, прикрыв глаза и прислонившись к стволу спиной. В моей голове всё было перепутано. Попытки хоть как-то сконцентрироваться не принесли желаемого результата. Попробовала ещё поплакать. На сей раз потому, что почувствовала себя совершенно одинокой и не знавшей, откуда ждать очередной беды. О помощи же не осмеливалась и мечтать.

Несмотря на то, что в ночь смерти деда я учинила бардак в квартире, не пошевелив и пальцем, мысли о сумасшествии снова посетили мою голову. Ну, разве может всё это быть правдой? Летающие книги, магия, демоны и ещё многое из написанного в дневнике. Ведь я не ощущала себя как-то иначе. Все было почти по-старому. Почти...

«Я человек, обычный человек...» — и сама не заметила, как снова повторила эту фразу вслух.

— Нет, боюсь, всё же нет... — голос застал меня врасплох. Он раздался так неожиданно и близко, что тело инстинктивно дёрнулось, и мой затылок впечатался в дерево, служившее укрытием.

— Твою мать! — выругалась я, подаваясь вперёд, открыла глаза и уткнулась лицом в пуговицы чьей-то жилетки.

Так-так-так, кто-то оказался прямо впритык ко мне, а я даже этого не заметила? Замечательно, с таким подходом меня быстро поймает тот, кому надо, даже не напрягаясь.

Я медленно подняла голову, изучая представшего передо мной человека. Классический чёрный пиджак с жилетом под ним, идеально завязанный темно-синий шёлковый галстук, белоснежная рубашка, шея, овал лица, бледная кожа, пожалуй, даже слишком... Всмотревшись в его лицо, я невольно оцепенела. Меня внимательно, с отражённой в них глубокой задумчивостью, рассматривали небесно-голубые глаза. У меня, видимо, как-то не очень эстетично отвисла челюсть, потому что к внимательности и задумчивости в этом взгляде прибавилась некоторая доля раздражения.

Не успев понять, что происходит, я ощутила, как меня вдруг с силой вжали в дерево. Ещё секунда — и не миновать бы этому наглецу страшной расправы с использованием отборного, пробивающего даже камень мата и всех своих, в том числе, вновь обрётённых (правда, если только получится их применить) способностей, но мне предусмотрительно заткнули рот. На секунду что-то изменилось — перед моим мысленным взором поплыли багряные узоры. А его рука... нет, наверное, это просто я перенервничала, вот и мерещится Бог весть что.

В ход моих мыслей вмешался шелест травы. Непонятное видение пропало само собой так же внезапно, как и появилось. Моё внимание вернулось к происходящим событиям.

Незнакомец склонился ко мне. Прямо напротив моего лица оказалось его: молодое, но в то же время было в его выражении что-то чертовски странное. Оно завораживало. Черты лица... словно каменные. Голубые глаза и выразительные чёрные брови строго приказывали мне молчать и не дёргаться. Одним уголком бледных тонковатых губ он едва заметно ухмыльнулся. Ни разу в моей короткой жизни мне не доводилось встречать человека с таким лицом. Так, стоп! Собственно, с какой стати этот тип прижимает меня к дереву, да ещё и на кладбище?

Станный субъект с лёгким кивком, словно прося меня проследить за его взглядом, повернул голову чуть влево. Почему-то я безропотно повиновалась на этот раз.

В отдалении среди могил и деревьев легко двигалась высокая женская фигура в чёрной блузе и

брюках. Тёмно-русые пряди с ореховым оттенком, выбились из собранных на затылке волос и от влажности слегка вились. Неожиданно девушка остановилась, хотя было совершенно ясно, что и я, и этот тип остались ею незамеченными. Факт был очевиден по элементарной причине: она стояла спиной к моему импровизированному «убежищу».

Конечно же, я сразу её узнала. Джен... По-видимому, она забрела сюда в поисках меня. Моя подруга целенаправленно вглядывалась куда-то вдаль, а затем начала поворачиваться в мою сторону. Когда я увидела такой знакомый профиль с высокими скулами, то не на шутку испугалась, что запланированная на сегодня попытка к бегству потерпит эпический провал. Это пугало меня гораздо больше, чем незнакомец, зажимающий мне рот рукой. Я должна справиться сама! Не хочу, чтобы она была втянута во всё это.

Какая-то часть моего существа взмолилась о том, чтоб она не заметила ни меня, ни той ситуации, в которой я находилась. Похоже, молитвы были услышаны, и Джен вдруг направилась совсем в другую сторону.

Взгляд голубых глаз проводил её, а затем вновь устремился на меня. Незнакомец приложил палец к своим губам, давая понять, что кричать мне по-прежнему не следует. Я для виду согласно закивала головой. Стоило ему только убрать руку, как я, нет, не подняла визг, а ударом кулака проехала по челюсти незнакомца. И снова от физического контакта с этим человеком возникло пугающее чувство.

— Как только я вас увидел, то сразу понял, что будут проблемы... — сквозь зубы процедил неизвестный, прижимая ладонь к щеке.

Он даже не шелохнулся, хотя била я, вкладывая вес всего своего тела в удар. А я, наивная, полагала, что постоять за себя умею. Но стоит заметить, что это было чисто по-человечески. Суперсила, или что-то в этом роде, либо просто отказывалась себя проявить, либо «кто-то» элементарно не умеет ею пользоваться.

В этот миг мне послышался звук шипения. Весьма и весьма подозрительный звук.

— Кто ты, мать твою, такой? — хватило сил выдохнуть мне.

Он промолчал, а затем убрал руку от лица с какой-то непонятной обречённостью. От его подбородка и до щеки протянулась отметина, похожая на небольшой шрам от ожога. Мои глаза непроизвольно округлились. Я прекрасно помнила, что пару минут назад его кожа была безупречной. Догадка испугала: кольцо на моей правой руке серебряное. От него могла образоваться либо ссадина, либо царапина, но уж никак не ожог. Пока координировала в голове свои наблюдения, отметина начала постепенно исчезать. Снова округлив глаза и почувствовав, что челюсть отвисла ещё более неэстетичное, я поняла, что начинаю на полном серьёзе терять равновесие. И таки потеряла, усевшись задом на мокрую после дождя траву.

Губы мужчины искривились в невольной усмешке. Теперь он возвышался надо мной подобно башне.

— Чего вы хотите? — голос срывался и звучал вопреки моим попыткам тихо и неуверенно.

Впервые на его губах появилось подобие нормальной улыбки, и он склонился ко мне, протягивая руку, чтобы помочь подняться. Но я не сразу приняла её, вместо этого продолжая с опаской разглядывать незнакомца. Строгого покроя чёрный костюм-тройка был явно индивидуального пошива ввиду нестандартного роста мужчины. Длинные (до середины спины) гладкие иссиня-чёрные волосы забраны на затылке в тугий хвост.

«Вот блин, усталилась, будто на породистого жеребца!» — голос разума был, как всегда, не вовремя. Эта мысль почему-то начала зарождать в моей голове некие образы весьма фривольного содержания, которые в данный момент были совсем не к месту. В ответ на это голос разума обозвал меня «пошлячкой», и он был прав. Я помотала головой, словно отгоняя наваждение.

Наконец, когда я приняла его помощь и меня с лёгкостью подняли с земли, прежнее загадочное чувство снова дало о себе знать.

— Меня зовут Драйден Ван Райан. Мне поручено доставить вас к Барбаре Бересфорд в Англию, Кристанна. Вы понимаете, о чем я говорю?

Драйден? Англия? Барбара? Барбара! Не верится, но, кажется, ко мне подросла та самая помощь, которой я никак не ждала. Да, мне нужно к Барбаре, Барбаре Бересфорд!

Ответить нечто вразумительное сразу у меня не получилось.

— Да, в общих чертах, — я сглотнула. — Мне оставили предсмертное послание. И не зовите меня Кристанной, мне это не нравится.

Он снова чрезвычайно внимательно посмотрел на меня.

— Тогда как вас называть?

Голубоглазый незнакомец говорил без какого-либо заметного акцента и совершенно не походил на простого американского парня. Он употреблял какой-то донельзя правильный английский и употреблял его чётко, плавно и спокойно. Ещё я заметила, что от шрама на лице не осталось и следа.

— Крис, в крайнем случае — Кристина, — с трудом выговорила я.

Наши руки были всё ещё соединены, и «круги» снова плясали перед моими глазами. Сказать, что мне было от этого не по себе — ничего не сказать...

— А теперь, — я постаралась вложить в свои слова и выражение лица всё то радушие, на которое только была способна, словно мы говорим о том, какой хороший сегодня выдался денёк, — не соизволите ли рассказать мне более подробно, кто вы всё-таки такой? В противном случае я никуда с вами не пойду.

Он хмыкнул в ответ.

— Вас что-то беспокоит?

— Ну, знаете, меня бабушка в детстве учила никуда не ходить с незнакомцами, — звучало это довольно беззаботно, ведь свои страхи и панику я попыталась запрятать так глубоко, как только могла.

Мужчина резко отдернул руку.

— У нас не так много времени, чтобы тратить его на остроумие, — его взгляд стал неприятным.

— Может, я ещё и «ламер» во всех этих ваших делах, но о том, что вы не человек, догадаться способна! — не очень-то изящно пояснила я. — А мне ой как хочется знать, с кем же придётся отправиться в Англию. Ничего личного, просто беспокоюсь о собственной безопасности.

— Вы действительно уверены, что хотите знать ответ? — голубые глаза испытующе посмотрели на меня.

— Определённо.

— Что ж, в таком случае, вы не оставляете мне выбора, — и вместо продолжительных объяснений он неожиданно широко улыбнулся.

— А-а-а-а! Вампир! — заорала я.

Это был испуг ребёнка, столкнувшего нос к носу с монстром из-под кровати. Но я немедленно заставила себя заткнуться, чтобы меня не услышали, и сделать несколько шагов назад. Так, значит, это вовсе не было игрой моего воображения: багряные узоры, прохладная кожа, её цвет...

— Тише ты, ещё не весь Нью-Йорк слышал!

Мне показалось, или его это задело?

— Я полукровка, если уж быть совсем точным.

Я недоверчиво прищурилась и спросила:

— Откуда вы знаете Барбару Бересфорд?

— Это длинная история, — уклончиво ответил тот. — Я знал и знаю многих из вашей семьи.

Один вопрос закрался ко мне в мысли.

— Стоп! А лет тогда вам сколько, батенька?

— Почти пятьсот, — сперва Ван Райан скептически оглядел меня, но, видимо, посчитав возможным раскрыть эту информацию, ответил.

— Охре... то есть, с ума сойти! — у меня перехватило дыхание.

«Вампир» снова хмыкнул.

— Придётся следить за тем, как вы выражаетесь. Вам предстоит стать временным помощником высокопоставленного должностного лица...

— КЕМ?! — вот теперь я точно охре... очумела. Проснись, Джозефсон! Это точно сон!

— Это для вас единственный способ скрыться сейчас и находиться рядом с Барбарой, не вызывая никаких подозрений.

— Нет, ты рехнулся?! Почему? Что, нет других вариантов? Я вообще своих способностей не знаю. Как можно мне — и такое!

Разговор стремительно менял характер с хоть немного, но формального на ярко выраженный неформальный. Особенно с моей стороны. Это было не специально — всего лишь накатила истерика.

— Только так. Иначе твою сущность скрывать будет намного труднее.

Мы бы спорили ещё довольно долго, даже несмотря на мою крайне скупую осведомлённость, если бы в определённый момент он меня не остановил.

— Может, прекратишь свои препирательства, и поговорим по существу?

Мы умолкли как-то одновременно. Я нервно теребила локон и, наконец, решилась спросить.

— Ну, и что конкретно я должна буду делать?

— Делать вид, что обеспечиваешь защиту... Кристина, что с тобой?

Ноги вторично подкосились, и я рухнула почти на то же место, что и прежде, увеличивая радиус примятой ранее травы.

— Да это от меня надо защищаться! — это был крик моей отчаявшейся души. Хотя он вышел немного визгливее, чем планировалось.

— Не суди себя строго, я очень хорошо тебя понимаю... — как этот странный тип может так спокойно о подобном говорить?

— Понимаешь? — мои брови выгнулись от удивления.

Он помог мне подняться.

— У меня тоже очень любопытная биография.

Я тут же вся обратилась в слух.

— Моя мать была человеком, из другого мира, а мой отец... мой отец — Маркус Ван Райан, по крайней мере, так его зовут последнюю тысячу лет...

И тут моё сердце замерло, потому что я вспомнила, где мне встречалась эта фамилия — в мамином дневнике. Она в общих чертах описывала тот мир, который рано или поздно должен был мне открыться. Скажем так, некоторые «константы» того мира.

— Похоже, это имя тебе знакомо...

— Знакомо, — в очередной раз переживая состояние потрясения или сходное с ним, пролепетала я. — Вампир. Старый вампир... — и это было всё, что мне удалось сказать.

— Кристина, ты опять?

Да, я опять плюхнулась на свою филейную часть и, очевидно, это не в последний раз. От таких откровений у меня волосы шевелятся и не только на голове. М-мама, роди меня обратно!

— Похоже, я перестарался с шоковой терапией, — безразлично констатировал факт этот полукровка.

Я попыталась встать, на сей раз самостоятельно, но из-за узкого траурного платья получалось плохо. И выглядела я по меньшей мере потешно.

— Ладно... Дай, пожалуйста, руку. В последний раз, — мне уже было наплевать на все приличия. Действительно, какие уж тут приличия, когда впору умом тронуться?

— И какого тебя, вампирообразного, за мной прислали?

Голубоглазый полукровка опять поднял меня с земли.

— А сейчас хотелось бы внести ясность. Во-первых, я сам выбрал сторону и из-за этого погиб не один невинный человек. Мне едва удалось избежать той же участи. Во-вторых, ты никому не будешь упоминать о сегодняшних событиях. Уверен, это легко уяснить, даже для такой, как ты.

Нехотя я заставила себя проигнорировать последние слова.

— Думаю, Барбара дара речи лишится, когда тебя увидит.

Теперь уже трудно было сделать вид, что сарказм в его голосе остался незамеченным.

— Надеюсь, что нет! У меня к ней слишком много вопросов, — и сама же нервно хохотнула при этих словах.

— Нам пора уходить, — совершенно спокойно, не обращая внимания на мои слова, произнёс этот «вампиристый». — Остаться здесь дольше нельзя.

На моем лице застыло такое выражение, что Ван Райан пустился в объяснения.

— Прямо сейчас. Я могу понять твоё желание попрощаться с дедом, но ещё нужно добраться до Сохо, — он сделал паузу. — Кристина, возьмишь только самое необходимое, и отправимся в Англию. Я понятно выражаюсь? Только самое необходимое.

Я кивала. Сейчас. Разбежался. Так я и оставила свою коллекцию с трудом приобретённых дизайнерских шмоток. Всё возьму, до последних стрингов! И если это существо только попробует меня остановить — испепелю! Я теоретически очень даже на это способна! Теоретически...

«М-да, и до чего же мне нравится лгать самой себе...»

Я прекрасно понимала, как он прав, но всё же не доверяла ему, а, возможно, в первую очередь, себе. В голову пришла и другая мысль: меня, наверное, ищут, ведь нужно начинать погребение.

— Хорошо, допустим, я согласна...

— Умница, — «вампир» улыбнулся мне, демонстрируя белоснежные зубы. — Просто следуй за мной и, умоляю, постарайся, чтоб тебя не заметили...

Он повернулся спиной и зашагал прочь, а мои ноги словно примёрзли к земле.

— Что с тобой такое? — бросил Ван Райан через плечо, понимая, что я за ним не последовала.

— Перспектива оставаться наедине с вампиром как-то не слишком меня привлекает...

Это только в фильмах и книгах про вампиров всё пафосно и красиво, а как оно обстоит на самом деле, я отнюдь не горю желанием проверить.

— Я такой же вампир, как ты демон! — послышался недовольный голос. — А ну живо за мной!

Ладно, дедушка меня простит, а вот Джен — ни за что! В моих же интересах смотаться как можно скорее.

Шли мы быстро, что давалось мне с трудом — у меня же не такие длинные ноги, как у некоторых, да ещё и платье мешало идти — и вскоре нашли железную калитку прямо в высоком каменном ограждении. Стоило выйти за пределы кладбища, как она исчезла. Я хотела удивиться, но следующее, что предстало моему взору, заслуживало большего внимания. Посреди почти пустой Ревью авеню блистала «Феррари» модели F430, красного цвета. Я невольно застыла. Да, модельный ряд этого автоконцерна мне неплохо знаком. Пару раз даже удавалось их потрогать.

Вот только как она вообще сюда проехала? Дороги тут не слишком-то рассчитаны на такие авто — от авеню одно название.

— Неужели твоя? — обратилась я к Драйдену.

Он только кивнул. Не могу поверить, но у этого типа есть вкус.

— Тогда поехали, что ли, — на секунду в голосе даже появился энтузиазм, а глаза пожирали это чудо инженерной мысли.

— Полетели... — поправил мой спутник и добавил, словно передразнивая меня, — что ли.

Неуверенно пожав плечами, я пошла к машине. Что он хотел сказать этим нелепым или пафосным уточнением, я поняла не сразу, а только когда мы действительно полетели. К моему глубочайшему потрясению... Никакой игры слов, сплошная суровая реальность!

С помощью какого-то переключателя, находящегося на руле, Ван Райан сделал машину невидимой и велел мне расслабиться.

— Ох, ну ни фигя себе! — изумилась я почти культурно.

Сопровождающий опять скорчил гримасу недовольства моим лексиконом.

— И что, у вас все так передвигаются?

— Нет, сейчас только определённая группа людей.

— Ух-ты, ни черта себе!

— Не стоит так расслабляться, нам ещё через океан лететь...

Неужели так трудно было придумать напутствие перед побегом получше?

Началось всё с головокружительного, в прямом смысле, полёта над городом, во время которого я могла только таращить глаза от ужаса и судорожно цепляться руками то за кресло, то за дверную ручку — а это были ещё даже не цветочки.

Затем последовало стремительное, почти вертикальное приземление на крышу, больше похожее на падение. Не было криков и, что удивительно, даже ругани — я просто зажмурила глаза и отвернулась от лобового стекла, выставив руки перед собой. Всё, прощай, Жестокий мир... Или правильнее будет — Жестокие миры?

Но поняв, что удара не последовало, а в голове начался конкурс наилучших предсмертных

фраз, я открыла один глаз.

Полукровка, судя по всему, проделал эти фигуры высшего пилотажа с абсолютно отсутствующим выражением лица. И ровно с таким же видом вышел из машины, в то время как я, переводя дыхание, высунулась из приоткрытой двери. Феррари по-прежнему оставалась невидимой, и выглядело это так, словно половина моего тела торчала из какой-то «расщелины миров», а в самой расщелине угадывались черты салона спорткара. Я с трудом вылезла из автомобиля и тут же закрыла дверь для восстановления целостности невидимого покрыва. Видели нас или нет, моего спутника, кажется, волновало мало. Или у него на этот случай были заготовлены свои ходы.

Порчу частной собственности можно было вычеркнуть из повестки дня — выход на крышу в нашем доме почти никогда не закрывался. Спрятанный ключ от квартиры дожидался меня за ящиком с огнетушителем, так как я не брала с собой на кладбище ничего ценного. Ни телефона, ни ключей, ни документов, ни существенной суммы денег.

За тридцать минут вещи были полностью упакованы, ведь я заранее готовилась покинуть квартиру, которую так любила. Сумку с документами и деньгами я спрятала на самом дне бельевой корзины, четыре собранных чемодана — под своей кроватью. Ещё четыре стояли на виду, я соврала Джен, что хочу отвезти часть вещей в дом деда. И это был первый раз, когда я вообще ей соврала... Нужно только по-быстрому собрать оставшееся.

Этот «костюм» с заковыристым именем все равно выражал крайнее недовольство и через каждые три минуты терроризировал меня вопросом: «Что ты там копаешься?» Чем больше напоминал, тем больше хотелось дать ему в глаз, но так как багаж был уже собран, мордобой терял актуальность.

Когда мы вернулись с вещами, невидимый барьер распространился далеко за пределы Феррари, охватив большую часть крыши. Я осознала это, увидев внутреннюю сторону его оболочки, похожей на тонкий слой полупрозрачной жидкости.

От беготни по этажам и погрузки багажа (кроме шуток, он весь влез в это таинственное авто) я изрядно вспотела. Мой компаньон, ввиду особенностей своего организма, похоже, был просто на это не способен.

— Ты довольна? — уязвлено бросил полукровка, стоило мне штабелем завалиться на капот в попытке отдышаться.

— Чего ты злишься? — удивилась я.

— Мало того, что мой автомобиль теперь набит чем попало, так ты посчитала уместным на него лечь....

— Ах, это мои-то самые необходимые вещи ты называешь «чем попало»?

— Не бывает десяти чемоданов самых необходимых вещей, — отрезал Ван Райан.

— Бывает, просто это доказывает, что ты плохо знаешь современных нью-йоркских женщин!

— А что ж у тебя до сих пор нет своей машины, раз ты столь умна? — с издёвкой поинтересовались у меня.

— Ты видел улицы там, внизу, в этом столетии? По Манхэттену проще перемещаться на такси

или метро. Иметь машину слишком накладно... И, откуда тебе знать, может, я мечтаю о чём-то крутом? — вздохнула я и, встав с капота, отошла в сторону.

— Например? — спросил провожатый, не меняя тона.

— О Ламборгини Галларде... — тихо ответила я.

Вдруг этот полукровка в костюме пронзительно засмеялся, а я снова с недоумением уставилась на него.

— Садись в машину. Нам пора, и разговор длинный предстоит.

Мы уселись. Драйден, естественно, за руль, а я с сумкой в руках — на пассажирское место. Теперь вышло солнце. Я надела солнечные очки. Прежде всего, чтобы скрыть глаза — так будут менее заметны эмоции. Если с такими, как Ван Райан, это вообще прокатывает.

Я думала, как скоро Джен или кто-нибудь ещё обратится в полицию. Впрочем, там, куда мы направляемся, полиция вряд ли сможет меня отыскать. О том, как воспримет моё исчезновение Маршал, я старалась не думать.

Ван Райан тем временем снова сделал невидимой только машину, и мы потихоньку начали взлетать.

— Взгляни на это, — он кинул мне чёрную папку с закладками.

Я раскрыла её, и первым, что бросилось в глаза, стали мои фотографии, на которых в анфас и профиль, как преступница, я стояла по линейке с отметками роста. Что это? Фотошоп? Я точно никогда не попадала в полицию, и никто так меня не фотографировал. У меня появилось желание завизжать или выругаться, но это стало бы уже неприличным. Пора привыкать ко всем этим штукам. Или хотя бы делать вид.

Пробежала по документам глазами. Не поверила. Ещё раз перечитала. В пору было кричать «Караул!». Досье. Настоящее досье на меня: от моего рождения до настоящего времени. И всё в мельчайших подробностях. Спасибо, не написали, с кем я потеряла девственность. А вот! Семнадцатая строка. Ладно, шучу. Этого там не было написано. О, ещё интересный пункт: «Личность отца не установлена». Да, моя семья бережно хранила эту тайну.

В голове крутилось множество вопросов. Ответы мне нужны были сейчас. И единственным, от кого я могла их требовать, был Драйден.

— Это что? — я потрясла папкой в воздухе.

— Это из личного хранилища главы Комитета. Мало кому известно о том, что история Армана и Дагмары реальна. Однако существует категория людей, знающих об этом любопытном факте. В поместье есть такие люди. Именно поэтому тебе придётся жить и работать под официальной «легендой». Сейчас это единственное место на Земле, которое может дать тебе хоть какую-то гарантию безопасности.

— Похоже на работу под прикрытием? — глупый какой-то вопрос получился.

— Скорее на программу защиты свидетелей.

— Чудненько, — фыркнула я, но вспомнила ещё кое-что. — Почему меня называют демоном?

Ведь фактически я им являюсь лишь на четверть.

— Все довольно непросто, — он миг помолчал.

Мы как раз пролетали над статуей Свободы.

— Ты получила способности Армана в полном объёме. Причём, минуя Александру, ведь у твоей матери не было и капли демонической силы. С тобой ситуация беспрецедентная. У тебя почти человеческая физиология и пока ещё человеческие эмоции и характер. Но на этом твоё сходство с человеком заканчивается... В тебе заточена магия демонов. Это огромная мощь. Даже если ты сейчас и не чувствуешь в себе такого. Одной мысли достаточно, для... боюсь, что для очень многого. Но пока живёшь в поместье, будешь, как миленькая, это скрывать... И ни в коем случае, слышишь, ни в коем случае не применять истинные возможности!

— Есть риск, что меня обнаружат и там?

— Видишь ли, риск есть всегда...

— Все ясно. Значит, скрываться всю жизнь. Я больше никогда не увижу Дженнифер?

— Находиться с тобой рядом — все равно, что быть в постоянной опасности. Хочешь ли ты такого для дорогого тебе человека?

— Нет... — я почувствовала, что хочу заплакать, потом вернула досье и шмыгнула носом. — Что ты имеешь в виду, говоря «почти человеческая физиология»?

— Периодическая подпитка демонической сущностью памяти, знаний и резервов организма, а также вмешательство в биологические процессы и психику... мне продолжать?

— Подпитка?

— Смотри... год рождения Ивана Грозного? — неожиданно резким голосом спросил он.

— В тысяча пятьсот тридцатом, — я сама не поняла, как мои губы произнесли это.

— Хорошо, — кивнул Ван Райан. — Когда убили Кеннеди?

— Э-э-э, — теперь пришлось задуматься, — вроде в ноябре тысяча девятьсот шестьдесят третьего года...

— Вот, теперь замечаешь разницу? — продолжил Драйден, многозначительно приподняв указательный палец правой руки прямо на руле. — Ответ на первый вопрос ты дала машинально, скорее всего, даже его не зная — в тебе сработала нечеловеческая память, а во второй раз ты уже была готова к следующему заданию, и пришлось вспоминать самой.

Да, это так. Я была очень непростым ребёнком, которого бросало из крайности в крайность, но были вещи которые давались мне паразитально легко. Хотя я и сама с трудом в это верила.

После шести лет я ни разу не болела, только иногда пыталась симулировать перед дедом, чтобы пропустить занятия в школе. Как правило, безуспешно. Сейчас я понимаю, почему было так, а не иначе. Дело вовсе не в том, что маленькие дети часто болеют, а в том, что до шести я соответствовала всем показателям самого обычного ребёнка. Соответствовала до тех пор, пока не умерла мама. Первая из трёх, запечатавших мою сущность людей, первая из моей семьи. После этого заклинание впервые стало терять свою изначальную силу. Теперь всё вставало на

свои места, все странности, начавшие происходить со мной после смерти матери, как, например, быстрое заживание банального пореза.

В некоторых пунктах досье, как мне подумалось, факты были заметно преувеличены. Подозреваю, что это отнюдь не говорит об их несостоятельности. Вероятно, была приведена характеристика моих, назовём их так, особенностей на стадии предположительного развития. Существование этого документа говорило о том, что кто-то очень долго меня изучал. Может, и это Драйдену известно.

— Кто же за мной шпионил все эти годы?

— Сьюкка Лоу, — казалось, ему неприятно произносить это имя.

— Что? Женщина, которая преподавала мне боевые искусства по просьбе деда? Человек, которому доверяла моя семья?

— Она не из этого мира, — устало произнёс Ван Райан. — Уже очень много лет Лоу тайно работает на Комитет. Открой перчаточный ящик, там кейс с документами. В них вся необходимая тебе сейчас информация, и про твоего тренера в том числе. Кстати, ты не знаешь, почему Арман обратился к ней за помощью?

Я моментально сунулась за документами, но остановилась, услышав последнюю фразу.

— Я плохо помню, но через несколько месяцев после смерти матери на меня и соседскую девочку напали. Дед тогда сильно разозлился и заставил меня ходить к Сьюкке.

Тем временем в ящике я действительно нашла кейс. Сильно удивил меня размер бардачка — раз в десять больше, чем должен быть по всем законам физики. В очередной раз отругав себя, я успокоилась.

Открываю я кейс, раскрываю лежащую прямо сверху папку и с диким ужасом захлопываю её обратно. Меня очень сильно напугала аббревиатура одной организации.

— В чём дело, Кристина? — издевательским тоном осведомился Драйден.

— Т-т-там, д-документы из ФБР с грифом «совершенно секретно»...

— Правильно. Тебе ещё многое предстоит узнать о том, каким образом взаимодействуют оба мира. Этот и Отражённый от него.

— Хорошо... — отозвалась я, будучи уже не в состоянии удивляться.

— Большинство из пришедших с той стороны совершенно спокойно относятся к этому лишённому магии миру, одеваются так, чтоб не выделяться в толпе, используют высокие технологии... В Америке позиции Комитета не так сильны. Его полномочия в США исполняют три ведомства. Все они сверхсекретны. Одно из них входит в структуру ФБР и подчиняется второму директору Бюро...

— У Бюро ОДИН директор!

— Это для широкой общественности он один.

— Так и быть, я затыкаюсь и слушаю.

— ...второе ведомство входит в структуру ЦРУ, третье — в АНБ, — Драйден тяжело вздохнул. — Все эти службы используют как передовую магию, так и технику...

Он, кажется, рассказывал что-то ещё, но я уже пропускала это мимо ушей, с интересом заглядывая в секретную документацию. Действительно, под текстом одного из документов было следующее: «Второй директор ФБР», далее шла размашистая закорючка и расшифровка подписи «Драйден Ван Райан».

Драйден! Ван! Райан!

— А-а-а-а! — извините, вырвалось.

— Почему ты опять кричишь? — раздражённо поинтересовался... директор, прости Господи.

— Ты? Ты. Ты-ы-ы!

— Я, — утвердительно мотнул головой этот.

— Ты и есть тот самый второй директор Бюро! Ты... Ты почему сразу не представился, как положено? — я с трудом подавила желание запоздало зажать рот рукой. Сколько же лишнего я успела ему наговорить за время нашего знакомства?

— Хотел сделать сюрприз, — усмехнулся полукровка.

— Ага, — я обвиняюще ткнула пальцем ему в плечо (разыгрывать добродетель было уже поздно), — так вот откуда у тебя такая тачка! Высокое положение и всё такое!

— Это подарок.

— Так я тебе и поверила! Взятка, небось, — я сложила руки на груди. — И, естественно, ты — то самое должностное лицо, которое я якобы сопровождаю?

— Не совсем так, но тебе, насколько я вижу, и в голову не приходит, как много у меня из-за тебя забот? — довольно резко произнёс он. — Мы не можем позволить тебе окончательно переродиться в демона. Само твоё существование может быть губительным для всего, что тебя окружает.

— Спасибо за напоминание, — мне ничего не оставалось, кроме как уставиться в окно и сидеть неподвижно. Говорить с ним больше не было желания.

— Кейс возьмишь с собой. Тебе потребуется данная информация.

Я что, совсем на дуру похожа? И сама бы его не отдала ни за что. Интересно, как я буду исполнять свою роль, совершенно ничего не зная?

— Господин директор! — растягивая слова, начала я. — А как быть с моим ликбезом?

— Это как раз для тебя труда не составит, — Драйден посмотрел на меня. — Многие бы захотели уметь такое. Берёшь, например, книгу, кладёшь на неё обе ладони и в течение двух-трёх минут «впитываешь» её содержание...

Договорить он не успел.

— Да ты заливаешь! — воскликнула я.

— Боже упаси, — с аккуратной, едва уловимой издёвкой произнёс Ван Райан. — Это правда. Из тех, с кем мне доводилось иметь дело, так мог только Арман Джозефсон, значит, и ты тоже можешь...

Что ж, если это так, то мне же легче. Но все же фраза «впитываешь её содержание» немного пугала.

— А что если я не хочу жить под «легендой», будто бизнесмен, скрывающийся от налогов?

— Никто не должен знать, что ты внучатая племянница Барбары Бересфорд и, главное, почему мы тебя прячем и от кого... ясно?

Я кивала в знак согласия.

— Там, в кейсе, есть твоя новая биография. Я думаю, тебе лучше заранее её изучить.

Чем я немедленно и занялась. Мне подкорректировали имя и фамилию. Прежде моим полным именем было Кристанна Арианна Джозефсон, но так меня именовали только дед с бабушкой и официальные власти. Теперь я стала Кристиной Гвинет Йорк (надо было сильно постараться, чтобы выбрать столь неподходящее среднее имя). Мне увеличили возраст по документам аж до двадцати пяти лет. Ещё больший кошмар!

— Может, попробуешь уснуть? — предложил Драйден через какое-то время. — Прилетим к полуночи, а нормальный сон необходим...

Во время полёта мотор ревет не слишком сильно, может, что-то из этой затеи и выйдет. Убирая кейс с документами, биографию я положила сверху на крышку. Сразу после пробуждения надо будет ещё разок пройтись по ней. Я поудобнее устроилась в кресле. Нужно ли говорить, что через какое-то время меня всё-таки "выключило".

Неудивительно, если учесть, через что я прошла в последнее время.

<http://tl.rulate.ru/book/20602/426516>